

ДИМИТРИЙ КИДОНИС И ЗАПАД (60-е гг. XIV в.)

Димитрий Кидонис представлял то направление в сфере поздневизантийской политики и идеологии, которое принято называть латинофильским. Прозападная ориентация не была новым для Византии общественным явлением. За триста лет, отделявших современников Кидониса от событий собора 1054 г., время от времени слышались голоса в пользу объединения западной и восточной церквей. Подобные настроения обычно активизировались необходимостью военной помощи Запада.

К 60-м гг. XIV в. внешнеполитическое положение Византии было весьма сложным. Турки представляли реальную угрозу уже не границам, а столице империи. В 1361 г. ими была взята Дидимотика, в 1362 г. — Адрианополь. В этой опасной для жизни страны ситуации месадзон императора Иоанна V Палеолога был склонен к союзу с Западом во имя получения помощи от западных государств. Предоставление военной помощи латинянам обычно связывалось с принятием восточными христианами католического символа веры. Еще в 1355 г. Иоанн V Палеолог, дав обещание папе Иннокентию VI о присоединении греков к римской церкви, надеялся на роль «первого капитана и знаменосца матери церкви и главнокомандующего над христианским воинством, которое придет из-за моря»¹.

В 1362 г. Урбан V проявил намерение перенести папскую резиденцию из Авиньона в Рим. Этот шаг должен был продемонстрировать усиление международного авторитета престола св. Петра. В связи с этим главе католического мира понадобилось признание восточнохристианской церкви. На этом основании византийцам стало казаться более реальным получение военной помощи западных государств.

В 1363 г. Димитрий Кидонис, написав «Апологию I», стремился убедить своих соотечественников в большом политическом влиянии западной церкви: она «первенствует над всеми народами и городами вплоть до Гадиры (Кадиса. — М. П.), вершит власть над Галлией, Испанией и Германией на севере, которые, как говорят, числом превосходят всех остальных христиан, вместе взятых. Она распространяется на запад до океана и дает законы людям больших островов... Она посылает учителей истинного богословия

вплоть до границ ойкумены, во всем законодательствует относительно божественных и человеческих сочинений, таким образом, она повсюду стала пританием мира и мудрости, матерью и повелительницей по отношению ко всем»².

Ратуя за необходимость организации крестового похода западных государств против турок во имя спасения восточных христиан от посягательств неверных, он осознавал, однако, почти полную несостоятельность надежд на помощь Запада. Об этом свидетельствует его письмо 1364 г., адресованное в Авиньон гассанскому епископу Симону Атуману³. Годом ранее Симон просил аудиенции у Иоанна V Палеолога, намереваясь дать совет в отношении организации крестового похода, но не был принят. Димитрий Кидонис, выполняя функции канцлера императора, объясняет Симону Атуману причину, вследствие которой его совет не был принят, стараясь при этом убедить корреспондента в заинтересованности императора: «...узнав о [твоем] совете и его мудром, многообразном смысле... он радовался твоей дружбе и тому, что ты во всем заботишься о его славе» (С., 93. 45—47, р. 126). Причина отказа аудиенции объясняется месадзоном следующим образом: «...в том, что посольства, в отношении которых ты советуешь, еще не посланы, виноват обычай римлян говорить без умолку (*thrulounton*), как о многом другом из приятных вещей, и об этом походе... У нас, собственно, нет никого, кто бы услышал, что предстоит его немедленное осуществление... Франки ограничиваются в своей благотворительности лишь речами, посланиями и обещаниями. До того дошло, что турки, язвительно смеясь, спрашивают, сообщал ли кто-нибудь что-либо о крестовом походе (*peri tou passagion*). Скорее можно ожидать в качестве соратников антиподов, нежели франков... послания папы полны величавости и достоинства в самый неподходящий момент» (С., № 93. 47—60).

Настроения двора в отношении реальности военной помощи западных государств, разделяемые в какой-то степени и месадзоном, не были лишены оснований. Печальным прецедентом являлась неудачная попытка короля Кипра Петра I собрать войско для всеобщего крестового похода против турок. Как пишет Кидонис, Петр I обратился к папе и западноевропейским государям «даже не через посла, но сам своей персоной, чтобы создать союз. И он надеялся, что из-за общности веры и вследствие затраченных им [средств] можно, разумеется, не отказывать» (С., № 93. 60—63). В начале 1363 г. были оговорены подробности этого похода. Как считал папа, он должен был начаться в апреле. Но раздоры в католическом мире (конфликт между папской курией и Миланом, между Генуей и Кипром) сорвали намечавшийся поход. Безднадежность положения кипрского короля усугублялась смертью самого сильного из его союзников — французского короля⁴. Кидонис так комментирует эти события: «Сейчас он [Петр] находится в опасности раскаяться в своих надеждах и вернуться домой; из своей поездки он не собрал другого урожая, как только славу рас-

точителя и довольно щедрого господина. Своих врагов он никоим образом не научил боязни этой поездкой, но они даже еще ободряются, так как он истратил все деньги для создания войска, чтобы оно противостояло им... Но если тот,— так говорят они (враги.— М. П.),— справедливым образом все получил бы, о чем он просил, если он надеется на большую помощь от всех, но не от своих соотечественников, кто будет таким глупцом, чтобы ждать от нас, что и мы стали бы необдуманно напрягаться?» (С., № 93. 64—70).

В качестве примера несостоятельности обещаний Запада в отношении Византии Кидонис называет также заверения епископа Павла из Смирны относительно галер, а также заявления легата Петра Фомы и других (С., № 93. 58—59). Кидонис сетует: «Я сам рискую стать на сторону мнения многих и поверить в то, что каждый год говорят только разговора ради. Мы знаем, однако, что ничего из них [разговоров] не выходит, кроме пустых слов» (С., № 93. 74—77). Объяснив в письме к Симону Атуману причины, по которым послы на Запад не были отправлены, Димитрий Кидонис написал адресату: «Вместо них использовано письмо императора к папе, в котором он его прохит сжалиться над гибнущей верой и остающимися в живых христианами, а также предпринять все, что ты предложил в своих письмах; но что он [папа] сделает, только богу известно» (С., № 93. 71—74).

Сомневаясь в реальности помощи Запада, Кидонис, однако, пытается найти оправдание бездейтельности союзников, заметив в названном письме, что важные дела легко не осуществляются («Я был бы удивлен, если бы такое важное дело осуществилось легко». — С., № 93. 81—82).

Кидонис доказывал неизбежную необходимость союза не только для Византии, но и для западных государств, которые также могут оказаться под угрозой турецкого нашествия: «Если же они и ныне не приведут в исполнение свои угрозы против неверных, если и этот год пройдет в разговорах и приготовлениях, то безусловно, столица падет... Но тогда после этого будут они сражаться с варварами в Италии и на Рейне, и не только с этими, но и со всеми, которые обитают у Азовского моря, на Босфоре и во всей Азии» (С., № 93. 85—91). Димитрий Кидонис убеждал своего западного корреспондента: «Лучше [им] вести войну вместе с нами за город против турок, чем позднее сражаться со всеми вместе и навлечь на себя большую опасность» (С., № 93. 98—99).

Весной 1365 г. Димитрий Кидонис так же, как и известный политический деятель Иоанн Ласкарис Калофер, переходит в католичество⁵. Папа Урбан V написал им 18 апреля этого года письмо по поводу их обращения⁶. Папа называет каждого из адресатов послушным сыном (*filius obediens*) церкви и поощряет их присоединение к римской церкви, «вне лона которой нельзя быть здоровым» (*extra cuius gremium non est salus*). Урбан V отмечает просвещенность своих адресатов, называя каждого из них «украшенным светом божественного знания» (*tu, divine sciencie*

lumine illustratus). Приветствуя обращение «к апостольскому престолу, матери всех верующих и учителю» (ad apostolicam Sedem, matrem cunctorum fidelium et magistram), папа считает, что вместе с ними восточная церковь быстрее и легче придет к истинной вере (una tecum orientalis Ecclesia ad veram obedienciam... citius et facilius reducetur).

Осенью 1365 г. Димитрий Кидонис имел возможность приветствовать своего друга Иоанна Ласкариса Калофера, ставшего канцлером при дворе короля Кипра⁷. Письмо написано после успешной организации Петром I Кипрским крестоносного войска. Флот соединенных сил, набранный при содействии папского легата Петра Фомы, состоял из 165 парусников⁸. Адресат Кидониса находился во время похода на борту королевской галеры. Письмо месадзона не содержит каких-либо конкретных оценок или фактов, но носит несомненно поощрительный характер. Нет сомнения, что мероприятия, подобные тем, что проводились Петром I Кипрским при содействии его канцлера Иоанна Ласкариса Калофера, не меняли ситуации. Турецкая опасность день ото дня становилась более острой. В 1366 г. папа известил Иоанна V Палеолога, что ему готовы помочь Людовик Венгерский, Петр Кипрский, Амедей Савойский при условии, что население Византийской империи будет подчинено апостольскому престолу. Император направился после этого во главе посольства в Буду, где повел переговоры с венгерским королем Лайошем I о возможности совместных действий против турок⁹. Иоанн V Палеолог в ходе переговоров пытался уйти от необходимости принять условие о переходе греческого народа в католичество¹⁰. Однако Урбан V держал эти переговоры под контролем. В Буду были направлены папские нунции с тем, чтобы утвердить условие переговоров между византийским императором и венгерским королем. В ответ на уступчивость Иоанна V Палеолога папа обещал поднять на крестовый поход против турок христиан Германии, Богемии, Венгрии, Болгарии¹¹.

Византийский император покинул Буду, не добившись каких-либо реальных результатов. На обратном пути из Венгрии он был захвачен в плен болгарами. Видимо, здесь не обошлось без влияния сына императора Андроника, втайне мечтавшего о захвате византийского престола. Помощь плененному императору оказал его кузен граф Амедей Савойский. Освободив Иоанна, он напал на турок и освободил Галлиполи, более десяти лет находившийся в руках врага. При приближении Амедея к столице Андроник и ряд влиятельных лиц воспротивились тому, чтобы впустить графа в город. Димитрий Кидонис написал в связи с этим свою речь «О необходимости помощи латинян» (De admittendo Latinorum subsidio)¹².

Мнение, высказанное в речи, восторжествовало: граф Амедей Савойский беспрепятственно вошел в Константинополь. Его сопровождал папский легат, патриарх Павел, начавший переговоры

с экс-императором Иоанном Кантакузином о возможности заключения унии. В ходе переговоров, как известно, верх одержала православная партия¹³.

В июне 1367 г. Амедей Савойский вместе с патриархом Павлом и греческим посольством направился к папе. Эта встреча состоялась в Витербо (октябрь 1367 г.), на пути Урбана V из Авиньона в Рим¹⁴. Папа был извещен, что византийский император вскоре сам прибудет к нему. Три недели позднее папская канцелярия отправила письма греческому народу и отдельным лицам (сыновьям императора, императрице Елене, ее отцу Иоанну Кантакузину, патриархам константинопольскому, александрийскому и иерусалимскому), склоняя их к союзу с римской церковью. Одно из писем, датированное 6 ноября 1367 г., было адресовано Димитрию Кидонису, а также Михаилу Стронгилу и претору Константинополя Иоанну. Папа благодарил адресатов за содействие в переговорах, называл их «заботящимися верно о союзе самих греков со святой римской церковью, матерью и наставницей всех верующих во Христе» (*procurantes fideliter unionem ipsorum Gregorum cum sacrosancta Romana Ecclesia, matre et magistra cunctorum Christi fidelium*)¹⁵.

Между тем в империи верх окончательно одержала православная партия. Весной 1368 г. главой ортодоксального направления Филофеем Коккином на церковном соборе был осужден и предан анафеме видный латинофил, брат Димитрия Кидониса Прохор. Димитрий ответил на это гневными письмами в адрес патриарха и экс-императора Иоанна Кантакузина¹⁶.

В такой обстановке император Иоанн V Палеолог счел необходимым заручиться поддержкой папы. В августе 1369 г. он отправился в Рим в сопровождении свиты, в составе которой был и Димитрий Кидонис. Из Рима император послал месадзона в Витербо с тем, чтобы оповестить Урбана V о его прибытии. В скором времени была проведена процедура принятия византийским императором римского символа веры. Иоанн V публично признал *filioque*: "*Credo etiam Spiritum sanctum, plenum et perfectum verumque Deum, ex Patre et Filio procedentem*"¹⁷. Были прочитаны *professionem, iuramentum et adjurationem*, а также возглагошено папой "*Te Deum*". Димитрий Кидонис принимал деятельное участие в делах императора в период этой поездки. Он писал из Рима брату Прохору: «Я не прекращаю заниматься делами императора, стучать каждый день в дверь всех тех, кто нам будет полезен для этого, и искать, каким образом они приводят к счастливому исходу» (С., № 39. 7—9).

Как известно, римская миссия византийского императора оказалась безуспешной. В ответ на признание Иоанном V Палеологом римского символа веры последовали новые обещания предоставления военной помощи. Димитрий Кидонис писал брату: «Тягостно думаю я о судьбе отчизны, о врагах, которые смеются над нами, о том, что в будущем их стены будут для нас тюрьмой и с высоты

их мы увидим, как враги увозят свою добычу, так как здесь никому не удалось сделать для нас что-либо для завершения [переговоров]» (С., 39. 32—36).

Несмотря на неудачи, постигшие Византию на путях поисков союзников, Димитрий Кидонис сохранил прозападную ориентацию. Несомненно, его политическая позиция во многом определялась увлечением западной культурой. Многие письма и речи Кидониса отразили его восторженное отношение к культуре латинян. В упомянутом письме Прохору, написанном во время итальянской поездки 1369—1371 гг., Димитрий писал о Риме: «Я хотел бы воспользоваться всем богатством мудрости, благородства и всего великолепия большого Города» (С., № 39. 13—14). Димитрия Кидониса как ученого и политического деятеля к моменту поездки в Италию уже знали здесь: «Все радуются общению и считают полезным слушать нас» (С., № 39. 26—27). Однако государственные дела не позволили Кидонису в период поездки 1369 г. в полной мере приобщиться к латинской культуре, к чему он давно стремился: «Мы не смогли еще добыть себе дружбу других ученых здесь, ни слушать их беседы, поучения, споры. У нас нет времени думать о римских книгах... Как я говорил, мы занимаемся другими делами и, имея в руках эти чудеса (*ta thaumata tauta*), к которым мы жадно стремились издавна, мы проходили мимо подобно тому, кто бежал из своего дома к источнику, а затем сел в стороне, забыв утолить свою жажду, и считал пьющих, а затем вернулся обратно, не напившись» (С., № 39. 10—12, 18—22). В письме, написанном из Италии великому судье Андронику Энеоту, Димитрий Кидонис, введя в текст письма импровизированную речь старого Рима, доказывает, что новый Рим — Константинополь многое получил от старого Рима¹⁸.

Склонность Димитрия Кидониса к культуре старого Рима, о чем он пространно пишет в «Апологии I», определилась уже в зрелом возрасте. Начав изучение латинского языка, он сравнивал себя с Сократом, «который в старости стал посещать учителя музыки» (А., 362. 85—86). Начав с малого, Кидонис скоро перешел к чтению серьезной литературы на латинском языке: «Отведавши лотоса, я не мог впредь не утвердиться [в этом]; я полностью наполнил себя (*eperimplamen*) языком Италии, и если у кого-нибудь было какое-то сочинение, он охотно мне его принёс, и не только из наших, но и из латинян, которые сделали мой дом местом каждодневных встреч...» (А., 363. 30—35).

Первые впечатления от латинской литературы были связаны для Кидониса (как и для его брата Прохора, тоже увлекшегося схоластикой Запада) с именем Фомы Аквинского, которого он высоко ценил и переводил на греческий язык¹⁹. В отношении сочинения Фомы «*Summa contra gentiles*» (на нее есть намек в «Апологии») Кидонис писал, что она «представляла как бы цветок мудрости этого человека» (*tes sofias tou andros hoion anthos* — А., 362. 5—6). Постепенно круг чтения Кидониса становился более широ-

ким: «Я увеличивал старание изо дня в день и знакомился со многими величинами тех (латинян.— *М. П.*), до сих пор нам неизвестными» (А., 364. 5—46).

Димитрий Кидонис, передавая впечатления от своего чтения латинских авторов, выделяет прежде всего логику, последовательность их рассуждений («Я радовался последовательности суждений, которую я видел во всех этих сочинениях» — А., 364. 43—44; «полнота доводов и убедительность была сходна с пением сирен» — А., 366. 88—89). Поскольку соотечественники Кидониса порицали латинян за склонность к софизмам («Латиняне — софисты, они на нас бросаются с софизмом, и если кто-то их обнажит, то останется богохульство и посмешище» — А., 388. 14—16), автор «Апологии» в противовес этим рассуждениям считал сильной и привлекательной стороной сочинений латинских авторов именно их аргументацию и умение делать обобщения: «Доказательства и умозаключения — это то, что отделяет людей от неразумных тварей и определяет наше превосходство... Я говорю об этом, ибо я вижу тех, кто, будучи словно звери окружены и поражены, вдруг нападают на само доказательство» (А., 388. 30—31).

Димитрий Кидонис тянулся к латинской литературе, поскольку она более, чем византийская, передавала достижения классической древности. Он считал сочинения латинян работой «людей, в поте лица трудившихся над лабиринтами Аристотеля и Платона, которые нашим никогда не были интересны» (*oude popote tois hemeterois emelesen* — А., 366. 95—96).

Все заслуги латинских авторов — логичность, доказательность, уважение к древнегреческой философии — Димитрий Кидонис переносил на католическую церковь, называя ее «кладовой» (*tameion*) всякой мудрости» и утверждая, что «она породила массу философов» (А., 373. 23—24).

Кидонис утверждал, что раскол между восточной и западной церковью вызвал глубокую отчужденность между ними: «Длительная разобщенность народов по отношению друг к другу породила их взаимное незнание» (*agnoian* — А., 369. 86; 366. 87).

Стремясь выяснить причину неприязни греков по отношению к католикам, Кидонис прочитал все, написанное византийскими богословами за пятьсот лет по вопросам, связанным с расколом церкви («на это ушли многие дни и ночи» — А., 386. 49—50). Он убедился в том, что литература по этому вопросу огромна и в целом отмечена чертами псогоса: «Казалось, что все из тех, которые жили до нас и каким-то образом имели отношение к науке, обязательно хотели, словно исполняли свои священные обязанности (*hosper afosioumenois*), сказать что-нибудь против латинян; иногда отвергали, иногда просто хулили, словно хотели оставить после своей жизни свидетельство об их усердии (*ton dzeilon*)... Мне казалось, что отцы (авторы.— *М. П.*) этих сочинений наполняли книги великим гневом, злобой, большой горечью, ненавистью и заботились главным образом, чтобы дурно сказать,

об истине же они самым удивительным образом забыли... Они не могли ни одному из доказательств (противника) нанести поражение или обвинить какое-нибудь из объяснений в главном тезисе» (А., 386. 53—56; 387. 94—96, 8—10).

Прочитав сочинения обеих сторон, Димитрий Кидонис стремился сделать вывод о прочитанном: «Я находился в середине между борющимися... я проверял силу аргументов» (*ton logon monon ischuron* — А., 387. 73—77). «Я держался словно на суде (*en tais dikais*), не желая выносить приговор по показаниям лишь одной стороны, считая необходимым послушать и противников» (А., 389. 49—51).

Как известно, главным вопросом, разделявшим учения двух церквей, был вопрос о происхождении святого духа. Кидонис писал в «Апологии I»: «Я повернулся к часто обсуждаемой проблеме (*epi to poluthrulleton*), которая расколола страны и ввергла ойкумену в непримиримую войну. Я говорю о происхождении св. Духа» (*peri tou hagiou Pneumatos dzetema* — А., 386. 63—65). Греки считали, что он «исходит лишь от Отца» (А., 386. 65—66); латиняне же доказывали исхождение «св. Духа как от Отца, так и от Сына, чем поддерживалось их равенство» (А., 386. 67—70). Кидонис замечает: «Исхождение св. Духа от Отца объединяет обе [группировки], и не следует по этому вопросу убеждать; противоречие же (*he d'antifasis*) заключается в том, что одни выводили его только от Отца, другие же называли его общностью Отца и Сына» (*ton Patera ton Hiou koinon* — А., 386. 65—70; 387. 73). Кидонис замечает, что греки не могли никоим образом простить латинянам *filioque*: «В остальном есть надежда на примирение, но то, что св. Дух исходит от Отца и от Сына,— говорили,— это лишает их прощения» (А., 368. 78—81).

Димитрий Кидонис считал опасным для веры разделение церквей. Он писал: «При разделении церкви на две группировки нельзя следовать одной из них, но и откровенно воздерживаться обеих я назвал бы самоуверенностью и отделением от общего тела... Я остерегаюсь какого-то одного утеса и не оставляю Бога» (А., 369. 1—3, 9—10).

Опасность раскола Кидонис доказывает примером человека, жаждущего обрести веру: «К кому же, скажите мне, придет неверующий, намеревающийся познать истину, если он хочет войти в стадо Христа? К итальянцам и к их главе? Но ведь византийцам кажется, что это баратр, и они посоветуют ему избегать Рима, как огня. Может быть, тогда к нам самим мы перетянем новообращенного (*ton protelupton*)? Но тогда те (латиняне.— М. П.) закричат и посоветуют остерегаться отступников и схизматиков, говоря, что мы вопреки Христу боремся с Петром и, отойдя от его кафедры, осмеливаясь на иное, учим противоположному. Тот любитель веры... будет презирать и тех, и других, считая, что ему самому более полезно унаследованное отцовское неверие... Таким образом мы, соперничая, не только себя погубим

(*analothesometha*), но и другим чуть ли не советуем держаться от нас подальше (*hemon apchesthai*), чтобы они не заразились от прикосновения к нам. Итак, у нас получается, как у фарисеев: сами не войдем и желающим помешаем войти» (А., 376. 18—32).

Димитрий Кидонис ратует в «Апологии» за общность церквей, считая нелепым, что представители двух группировок в христианстве «чувствуют общими гимнами и праздниками; согрешив, посылают к богу (одних и тех же) послов, а затем, словно сменив мнение, снова называют их еретиками» (А., 383. 61—65).

Хотя писатель явно симпатизирует представителям западного направления, он пытается обойти все острые углы и делает акцент не столько на разногласиях, сколько на общности обеих церквей. Сравнивая все *pro et contra* противоборствующих сил, он, по его словам, нашел «гармонию (*sumfonia*) обеих группировок. Причиной этому была общность священного писания, откуда, словно из источника, обе черпали истину» (А., 367. 49; 368. 52—53).

Думается, что, утверждая общность церквей, Димитрий Кидонис не столько убежденно говорил об отсутствии догматических причин разногласий, сколько стремился свести их на нет во имя цели, к которой он стремился, будучи сторонником высокой образованности Запада,— устранить пропасть между двумя народами, убедить византийцев в близости их к латинянам. Не случайно в его аргументах появляются отнюдь не догматические, а социальные мотивы: «Если государство страдает недугом, граждане не называют друг друга определенно сторонниками и противниками отчизны, но как те, так и другие стремятся к общему согласию; и те, и другие хотят честно сказать, что более полезно городу; бранят друг друга, но не ненавидят, как заядлых врагов. Было бы более справедливо, если бы они считали друг друга друзьями. В заверениях друг друга, что они сражаются за город в целом и ищут общего блага, они, соперничая, соглашаются, словно друзья, из необходимости спасти [город]» (А., 401. 48; 402. 55).

Автор «Апологии» стремился представить латинян византийскому читателю иными, чем они привыкли их видеть: «Лишь по приезжым делали вывод о всем народе; и если кто-то говорил о латинянах, представлялись паруса, весло и то, что суша получает с моря...» (А., 364. 39—40). По Кидонису, латиняне прежде всего были носителями мудрости, образованности, наследниками древней культуры. Считая, по сути дела, представителей Запада более правыми, Кидонис утверждал, что он судит «об истине не по национальной принадлежности» (А., 399. 79—82). Очевидная симпатия, с которой Димитрий Кидонис писал о латинянах, дала основание его соотечественникам упрекать его в принижении всего отечественного. Многие считали, как замечает Кидонис, что его работа по переводу латинских авторов «имеет целью оскорбить (*onedidzein*) греков» (А., 365. 60—62), что труды латинян начи-

нают склонять к себе молодежь (*tous te neous*), что недалеко до того, чтобы объявить «все отечественное устаревшим и стремиться к иностранному, если кто-то хочет иметь славу мудреца» (А., 365. 65—67). Димитрий Кидонис, вследствие откровенно высказанных им симпатий латинянам, оказался в центре всевозможных пересудов. «Не только в кулуарах (*idia*), но и вокруг уже говорили, что я злоумышляю против общей веры и стремлюсь опрокинуть установленное» (*ta kathestota epicheiroiden kinein* — А., 365. 67—69), «я подвергался многим островам, не только сказанным втайне (*kribden*), но и в лицо (*kata prosoron*), и не от случайных людей, сила которых только в том, чтобы сказать дурно, но и от тех, кто мог бы весьма повредить и лично, и через друзей, и с помощью влиятельных при дворе лиц» (А., 387. 79—83). Выводом его «Апологии» можно считать следующие слова: «Из имеющихся группировок я предпочитаю остальным тех, в отношении которых я убежден, что они говорят более справедливое и более целесообразное для общества. При этом я полагаю, что и другим в их собственных интересах нужно было бы, поверив, согласиться с тем, что я говорю. Но если это им не по душе, меня не следовало бы по справедливости называть врагом государства» (А., 402. 55—60).

Итак, Димитрий Кидонис в рассматриваемое время был активным сторонником прозападного направления как в области политики, так и в области идеологии. Хотя его политическая позиция в отношении Запада и отмечена некоторым скепсисом, однако искренняя приверженность к итальянской культуре делает его убежденным латинофилом.

Как следует оценить значение латинофильства в общественной жизни поздней Византии? ²⁰ Как известно, с середины XIV в. можно выделить три политические группировки в империи: латинофильскую, туркофильскую и православную. Туркофильская группировка едва лишь наметилась в этот период. Она была представлена сепаратистски настроенными феодалами, которые считали возможным во имя достижения их собственных планов использовать турецкую помощь и даже в перспективе признать номинальную верховную власть турок, не могущую помешать их господству на подвластных землях ²¹. Близко к туркофилам стояла православная партия, представленная преимущественно верхушкой и средними слоями духовенства. Они стремились укрепить церковь, даже противопоставляя ее государству ²². Народ склонен был разделять взгляды то одной, то другой партии, считая турок меньшим злом, чем католики, поскольку турки при завоевании византийских территорий позволяли покоренному населению совершать православные обряды ²³. В рассматриваемый период эти две группировки, по сути дела, выступали в одной фаланге. Их идейным знаменем был исихазм, уводивший верующих от общественных проблем в область трансцендентных устремлений. Исихазм был на руку тем, кого не заботила необходимость спа-

сения отчизны. Победа мистики во многом ускорила падение империи, подготовленное причинами социально-экономического характера.

Латинофильство также не представляло национальных интересов Византии. Народ ненавидел представителей Запада еще со времен IV крестового похода и многолетнего латинского господства²⁴. По политическим устремлениям прозападное направление в такой же степени не отражало интересов независимости государства византийцев, как и два ранее названных.

Однако противопоставление итальянской образованности мрачной мистике, победившей на церковных соборах 40—60-х гг.²⁵, делало латинофильство знаменем гуманистических настроений представителей византийской интеллигенции²⁶, представителем которых следует считать для рассматриваемого времени прежде всего Димитрия Кидониса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Raynaldi O. *Annales ecclesiastici*. Цит. по кн.: Катанский А. История попыток к соединению церквей греческой и латинской в первые четыре века по их разделении. Спб., 1868, с. 219—220.

² Mercati G. *Notizie di Procoro e Demetrio Cidone Manuele Caleca e Teodoro Meliteniota ed altri appunti per la storia della teologia e della letteratura bizantina del secolo XIV*. Studi e testi, 56. Vatic., 1931, p. 372. 90—95; 373.11—15 (далее — А.). Немецкий перевод «Апологии»: Beck H.-G. Die "Apologia pro vita sua" des Demetrios Kydones.— *Ostkirchliche Studien*, 1952, 1, S. 209—225, 264—282. Кроме указанной «Апологии I», Димитрием Кидонисом написано еще несколько сочинений в латинофильском духе: «Апология II», посвященная защите его искренности (*Ego se porrothen*); «Апология III», представляющая духовное завещание автора (*Oida pollous epipesomenous*); «Апология IV», защищающая авторитет латинской Перы (*Su men ouden geloioieron*). Эти сочинения не имеют какой-либо определенной датировки, и вполне допустимо, что они написаны позднее рассматриваемого времени. К этому типу сочинений может быть отнесен и труд Кидониса «*He men kata ton Latinon*», защищающий учение Фомы Аквинского от критика Нила Кавасилы. См. об этих сочинениях: Loenertz R.-J. *Démétrius Cydonès. De la naissance à l'année 1373*.— *OCP*, 1970, v. 27, fasc. 1, p. 55.

³ *Démétrius Cydonès. Correspondance*. Publ. par Loenertz R.—J. Vatic., 1956, v. 1, № 93 (далее — С.).

⁴ Eszer A. K. *Das abenteuerliche Leben des Johannes Laskaris Kalopheeros*.— *Forschungen zur Geschichte der ost-westlichen Beziehungen im 14. Jahrhundert*. Wiesbaden, 1969, S. 22—25, 112.

⁵ Loenertz R.-J. *Les recueils de lettres de Démétrius Cydonès*. Vatic., 1947. *Studi e Testi*, 131, p. 111.

⁶ Письмо Урбана V опубликовано в прил. к кн.: Halecki O. *Un Empereur de Byzance à Rome. Vingt ans de travail pour l'union des églises et pour la défense de l'Empire d'Orient 1355—1375*.— *Travaux Historiques de la Société des sciences et des Lettres de Varsovie*, Warschau, 1930, v. 8, № 5, p. 363—364.

⁷ *Démétrius Cydonès. Correspondance*. Vatic., 1960, v. 2, № 325.

⁸ Eszer A. K. *Das abenteuerliche Leben...*, S. 33—34.

⁹ Halecki O. *Un Empereur...*, p. 111—137.

¹⁰ Wirth P. *Die Haltung Kaiser Johannes V bei den Verhandlungen mit König Ludwig I von Ungarn zu Buda im Jahre 1366*.— *BZ*, 1963, Bd. 56, H. 2, S. 271—272.

¹¹ Катанский А. История попыток к соединению..., с. 227.

¹² PG, t. 154, p. 959—960 (Auctarii novi Combefisiani, t. 11.) Позднее Кидонис отстаивал эту же мысль в речи «Romeiois symbouleutikos», полагая, что только союз с римлянами в условиях возраставшей день ото дня турецкой опасности мог принести освобождение: «Вы и самих себя, и родину, и род спасете от этой постыдной судьбы и от подступающих со всех сторон зол».— PG, t. 154, p. 961 В. См. об этом: Halecki O. Un Empereur..., p. 111—113, 141—144.

¹³ Прохоров Г. М. Публицистика Иоанна Кантакузина 1367—1371 гг.— ВВ, 1968, т. 29, с. 328—334.

¹⁴ Loenertz R. J. Démétrius Cydonès, p. 64.

¹⁵ Halecki O. Un Empereur..., № 9, p. 368.

¹⁶ Démétrius Cydonès. Correspondance, v. 1, № 129; v. 2, № 400.

¹⁷ Joannis Paleologi imperatoris Professio fidei.— PG, t. 154, p. 1302 D.

¹⁸ Ibid., № 36; Loenertz R.-J. Lettre de Démétrius Cydonès à Andronic Oenéote, grand juge des Romains (1369—1371).— REB, 1971, 29, p. 303—308.

¹⁹ Rackl M. Die griechische Übersetzung der Summa theologie des hl. Thomas von Aquin.— BZ, 1923—1924, Bd. 24, H. 1—2, S. 48—60.

²⁰ Удадьцова З. В. Борьба партий в Византии XV века и деятельность Виссариона Никейского — Вестн. Моск. ун-та. Сер. История, 1947, № 1, с. 79—95; Е е же. Борьба византийских партий на Флорентийском соборе и роль Виссариона Никейского в заключении унии.— ВВ, 1950, т. 3, с. 106—132; Е е же. Жизнь и деятельность Виссариона Никейского.— ВВ, 1976, т. 37, с. 92—93.

²¹ Франчес Э. Классовая позиция византийских феодалов в период турецкого завоевания.— ВВ, 1959, т. 15, с. 71—99.

²² Прохоров Г. М. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в.— В сб.: Литературные связи древних славян. Л., 1968, с. 96.

²³ Dölger F. Politische und geistige Strömungen im strebenden Byzanz.— JÖBG, 1954, Bd. 3, S. 3—18.

²⁴ Горянов Б. Т. Религиозно-полюмическая литература по вопросу об отхождении к латинянам в Византии XIII—XV вв.— ВВ, 1956, т. 8, с. 132—142.

²⁵ Meyendorff J. Society and culture in the fourteenth century. Religious problems.— XIV-e Congrès International des Études byzantines. Rapports, I. Bucarest, 1971, p. 60—61.

²⁶ Мсдведев И. П. Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л., 1976.